

ПРОЕКТ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ВЫСТАВКИ «ОТ КУПЕЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ДО НОВОГО РУССКОГО»

Проект разработан в рамках конкурса «Память XX века в музейном пространстве», предложенным институтом «Открытое общество (фонд Сороса)». Однако не получил финансовой поддержки и не был воплощен в жизнь. Публикуя его, авторы хотели бы прежде всего заинтересовать музейных работников, предпринимателей, меценатов в дальнейшей разработке данной темы.

Характеристика исторического пространства

В последнее время появилось немало книг и статей, рассказывающих о развитии предпринимательства и благотворительности, жизни и деятельности российского купечества¹. Оказывается, биографии многих предпринимателей не соответствуют образам, укоренившимся в общественном сознании благодаря произведениям А.Н. Островского, А.М. Горького и ряда других классиков русской литературы. Интуитивная тяга к грамоте, книге, знанию вообще, возникнув в начале XIX в. у переселившихся в город крестьян, через два-три поколения породила в среде купечества не только меценатов, но и ученых, врачей, художников, публицистов, политиков. Внуки крестьян и мещан – отпрыски богатейших купеческих семей, пройдя через университет, попутешествовав по Европе, становились ценителями литературы и искусства. Новых «хозяев жизни» стало привлекать общественное поприще, на котором причудливо переплетались их «эксплуататорские» и «гражданские» устремления. Например, накануне революции, в 1916 г., по некоторым сведениям, сумма пожертвований династии Бахрушиных составила 3,4 млн. руб., Третьяковых – 3,1 млн., Солодовниковых – свыше 10 млн. руб².

Не оставалась в стороне и российская глубинка. Чебоксарские купцы Ефремовы, Астраханцевы, Хлебниковы, ядринские Таланцевы жертвовали свои средства на строительство больниц, библиотек, храмов и т.п.

Но не только деньгами измерялся вклад купечества в развитие российской культуры. Кропотливая, одухотворенная деятельность купцов-меценатов явила народу Третьяковскую галерею, Бахрушинский театральный музей, Московский художественный театр... Ясно, что деятельность эта была осуществлена людьми с изысканным эстетическим вкусом, воспринявшими европейские и национальные культурные идеалы.

Однако, нарушив свое основное правило невмешательства в политические игры, купечество сыграло роль меценатов в февральской буржуазной демократической революции. А выстрел крейсера «Аврора», прогремевший в Петрограде 25 октября в 21 час 45 минут, похоронил тот мир – мир умных и самодуров, утонченных и куражливых, образованных и чванливых.

Этот мир к концу 1920 г. представлял иную картину: промышленное производство сократилось в 7 раз, продукция сельского хозяйства – в 2 раза, топливный, энергетический и продовольственный кризисы сопровождались волнениями рабочих, мятежами крестьян и бойцов Красной армии. Первая робкая попытка реанимировать предпринимательство произошла в 1921 г. на X съезде РКП(б). Здесь были приняты два важнейших решения: о замене продразверстки натуральным налогом и о единстве партии. Формируются основные элементы новой экономической политики – нэпа: продналог, свобода торговли, разрешение аренды и открытия небольших частных предприятий, найм рабочей силы, привлечение иностранного капитала и т.д.

Благодаря предпринятым мерам уже в 1925 г. валовый показатель сбора зерновых превысил на 20% уровень 1909–1913 гг. К 1927 г. был достигнут довоенный уровень в животноводстве. В российской деревне стал набирать силу активный, самостоятельный крестьянин, поверивший в тезис о государственной поддержке «старательного, культур-

ного хозяина». Приблизился к довоенному уровню объем промышленного производства. Надеялась на развитие сотрудничества с новой властью и значительная часть интеллигенции.

Однако XV съезд ВКП(б) отказался от принципов нэпа, от надежд на либерализацию государственной системы, твердо взяв курс на укрепление командно-административной системы, введение «чрезвычайных мер»: обысков, запрета рыночной торговли и т.п. По существу с начала 30-х и до начала 90-х годов XX века предпринимательство стало уголовно наказуемым деянием, а изучение жизни и деятельности купцов, промышленников, их роли в социально-экономической жизни страны считалось неактуальным.

Вторая попытка возрождения российского предпринимательства имела серьезные предпосылки. Стагнация в экономике, нарастание научно-технического отставания от Запада, провалы в социальной сфере вызвали у миллионов людей и части руководства осознание необходимости перемен. Начало перестройке положил апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, провозгласивший курс на ускорение социально-экономического развития страны, глубокие перемены в жизни общества через совершенствование социализма. Это была попытка сохранения административно-командного социализма с элементами демократии и рыночных отношений без затрагивания коренных основ политического строя.

Принятые в 1987 г. законы о государственном предприятии и о кооперации вступили в противоречие с оставшейся неизменной экономической практикой, тем самым, усилив дисбаланс экономики. В результате начались инфляционные процессы, падало производство, снижался уровень жизни, свирепствовал товарный дефицит. Тоталитарная политическая система не была способна обеспечить условия для прогресса экономики. Часть аппарата, тесно связанная с «теневой» криминальной экономикой, рассчитывала в рамках начавшихся реформ «отмыть» свои «теневые» капиталы. Либеральные реформы в рамках тоталитарного государства вели к его гибели. Перестройка переросла в национально-буржуазную революцию, сокрушившую СССР.

Реформы, проводимые руководством России в «постсоветский» период, имели свою экономическую специфику. В 1992 г. в результате расформирования отраслевых министерств, предприятиям перестали указывать, что и как им следует производить. Возник регулярно функционирующий оптовый рынок массовых заменимых товаров, продававшихся по стандартам или образцам, когда несколько сот товарных, валютных и фондовых бирж по всей стране пытались восполнить разорванные производственные связи и заменить исчезнувший Госснаб. При всех своих недостатках биржи формировали рынок, кадры предпринимателей и менеджеров. Появились десятки тысяч новых магазинчиков и киосков. Одновременно были сняты ограничения на внешнюю торговлю.

С другой стороны, это годы «дикого» предпринимательства, приватизации и банковских афер. По оценке тогдашнего начальника управления валютного регулирования и валютного контроля ЦБ РФ В.Мельникова, за 1992–1995 гг. и 10 месяцев 1996 г. коммерческие структуры и частные лица вывезли из России 60–80 млрд. долларов³. В результате введения все новых и новых налогов хозяйственники и предприниматели вынуждены были скрывать свои доходы. Рыночные отношения в России приобрели откровенно криминальный характер. Большинство предприятий и фирм вынуждены платить мафиозным структурам дань за «крышу». Криминальные группировки фактически открыто поделили между собой районы городов и целые территории. В целом «теневые структуры» контролируют до 50 % экономики страны⁴.

Обман и надувательство, финансовые аферы, «дикое» предпринимательство, постоянные разборки между «новыми русскими» невольно создают впечатление, что слой предпринимателей состоит из худших его представителей, жаждущих лишь быстрого обогащения. Хотя нельзя не заметить и то, что сегодня уже появляются хрупкие всходы подлинного российского предпринимательства, когда люди, имеющие свой бизнес, становятся лучше, нравственнее и ответственнее.

Таким образом, задача экспозиции на примере Чувашии подлинными материалами проиллюстрировать сложность и противоречивость процесса развития отечественного предпринимательства в XX веке.

Сценарий выставки

Массивная дубовая дверь, сверху – надпись «ВХОДЪ», ниже – текст:

«Купечество в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества ни каковое, не токмо великое, но ни малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности уготовляет» (И.Т. Посошков).

Открыв дверь, посетитель попадает в атмосферу «того» времени: вечер, играет музыкальная шкатулка, слышен шорох платьев, стук женских каблучков, шелест карт, приглушенный разговор...

По стенам (с индивидуальной подсветкой) развешаны богатые резные рамы. В них – старинные фотографии. Это чебоксарские купцы – Астраханцевы, Хлебниковы, Таврины, Иевлевы, ядринские купцы и меценаты братья Таланцевы, цивильские и алатырские... Сколько их, какими деньгами ворочали, какую оказали помощь власть неимущим – об этом рассказывают документы, деловая переписка, счета, фотографии больниц, домов для рабочих, библиотек, общественных зданий и церквей.

Еще одна надпись на стене:

«Как у отца, так и у моей матери, основы мировоззрения и морали покоились на религиозных началах, а в нашей, купеческой среде религиозность почти всегда отождествлялась с церковностью: одну от другой не отличали. Религиозным считался только тот, кто был богомолен, ходил часто в церковь, жертвовал деньги в своем приходе». (Н.П. Вишняков).

В экспозиции особенно выделена династия чебоксарских купцов Ефремовых. Их жизнь и благотворительная деятельность иллюстрируются подлинными документами, фотографиями, предметами. В центре их комплекса – всеми узнаваемое здание, принадлежащее Николаю Прокопьевичу Ефремову, которое, по легенде, после смерти хозяина и его бездетной супруги должно было быть перестроено в церковь.

В углу стоит чайный столик с двумя чашками и небрежно брошенными дамскими перчатками и веером. Венские стулья, изготовленные цивильским купцом Курбатовым на Урмарской мебельной фабрике, слегка отодвинуты. Чуть поодаль – карточный столик с незавершенным пасьянсом.

Этот большой зал разделен полуаркой, на ней надпись золотом: *«Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот меня одел, меня накормил, меня посетил»*. Полуарка обрамлена бархатными занавесками – это кабинет самого хозяина П.Е. Ефремова, чей портрет висит на самом видном месте. Книжный шкаф с золотыми тисненными переплетами книг, резной шкаф-кабинет работы мастеров XIX в. из Германии, письменный стол с деловыми бумагами, канцелярскими принадлежностями и календарем, открытым на страничке «25 октября 1917 года», слегка отодвинутое кресло – все это создает впечатление, что хозяин на минутку вышел отужинать или проводить запоздалых гостей, ведь часы показывают 21 час 45 минут. На часы с фотографии смотрит приятный, хорошо одетый молодой человек. Кто он? Родственник или просто близкий знакомый? Спросить не у кого: хозяева ушли, и они уже никогда не вернуться, их время растворилось в океане безвременья, скрытом за черными портьерами. За ними другой мир, другие ценности, другие символы.

Отодвинув портьеру, мы оказываемся в другой эпохе. Дух ее создают характерные звуки: зазывал, разносчиков, торговцев, нищих, музыки, звучащей из открытых окон ресторанов, и т.п. Мы видим всем известный и прямым образом связанный с Чебоксарами испорченный стул на фоне холодной бетонной стены и бриллиантового дыма, смешанного с дымом от многочисленных свечных, салотопенных, спичечных заводиков. И как бы слышим голос Остапа Бендера: *«Киса! Давайте бросим погоню за брильянтами и увеличим население Чебоксар до семи тысяч семисот четырех человек. А? Это будет очень эффектно» (И.А. Ильф, Е.П. Петров. «Двенадцать стульев»)*. Этот дым протянулся по всей экспозиции, он обволакивает постановления X съезда ВКП(б), рекламные плакаты, фотографии, документы, интерьер торговой лавки с выставленными на продажу хомутами, сахарными «головами», баранками и т.д. Разгуляй-время для «новой буржуазии»: воруи, обманывай, наживайся.

«Жизнь у нэпманов безусловно тяжелая. У них масса лишних переживаний в связи со своими капиталами. Приходится всю жизнь следить за своим добром, прятать, дрожать, чтоб не уперли. Тоже и подыхать при деньгах не сладко. Поскольку с собой монету не возьмешь» (М. Зощенко. 1927 г.).

На противоположной стене – фотографии с видами обнищавшей России, долгое время хранившиеся в спецхране музея: голод 1921 г., «зачумленные» избы, нищие. И среди них мы находим портретное сходство с человеком, чью фотографию мы уже видели в первом зале. Здесь же при входе в следующий зал поверх рекламных плакатов наклеены приказы и постановления о проведении обысков и арестов, циркулярные письма ЦК ВКП(б), решения XV съезда ВКП(б).

Время нэпа исчезло как дурной сон, сгнуло в дыму, оставив после себя списки реквизированных ценностей, разрушенных храмов, разворованных, проданных государством за бесценок раритетов. «... Наиболее целесообразным выходом для ликвидации у нас уникальных колоколов является вывоз их за границу и продажа их там наравне с другими предметами роскоши» (П.В. Гидулянов. 1929 г.).

Пройдя сквозь «железный занавес», мы оказываемся в зале ожидания железнодорожного вокзала. За окнами стоит поезд, дверь на перрон приоткрыта, груда коробок, рюкзаков, чемоданов, сваленных на запыленный пол, высокий буфетный столик с грязными стаканами, обрывки газет. Из динамика раздаются объявления об отправке поездов на Варшаву, Прагу, Берлин... Большая фотография: людской поток – «челноки», согнувшиеся под тяжестью ноши. Лица, лица, но одно из них знакомо – это лицо молодого человека со старой фотографии.

А на другой стороне экспозиции «шумит» вещевой рынок – базар. Здесь продают все: кофемолки, оверлоки, наборы отверток – товары местного производства, китайские трикотажные изделия, польские джинсы, корейские кроссовки. Действо происходит на фоне хватающих рук и топчущих ног. Шум, смех, ругань, музыка. На планшетах и стеновых витринах демонстрируются фотографии, документы и продукция первых кооперативов Чувашии: «Наша марка» (изделия из пластмассы, швейные изделия, пуговицы, заклепки), «Kp\k» (выделка кожи, пошив дубленок и шапок), «Надежда» (швейные изделия), «Каблук» (обувь на заказ) и др. Уже войдя в этот последний зал, посетитель видит перед собой три двери: в центре – заколоченную досками крест-накрест, с надписью «Нет выхода», справа – евродверь с золоченной ручкой и надписью «Запасной выход» и слева – обыкновенную, чуть приоткрытую дверь с надписью «Выход здесь» (кстати, эта дверь и ведет к выходу из зала).

Одна сторона зала посвящена преуспевающему бизнес-слою, «новым русским». На фоне дорогих иномарок, ресторанов, казино, знакомых названий фирм («Торговый дом «Ступени», «Банк «Девон-кредит»), рекламных проспектов – документы и фотографии, отражающие нашу современную действительность. В фотоярде, который привлекает внимание посетителей, запечатлено несколько дней из жизни бизнесмена. Вглядываясь, мы узнаем лицо, уже знакомое нам по трем предыдущим залам. Вот он в кругу преуспевающих бизнесменов, на работе в офисе, на отдыхе в Египте, а вот и обелиск с цветами на его могиле.

На другой стороне зала – огромная фотография городской свалки с копающимися в мусоре чайками и воронами. Над свалкой висит как бы парящая в небесах церковь – это перестроенный дом Н.П. Ефремова. На этом фоне – склонившийся в низком поклоне бомж, просящий милостыню. Это тоже он – наш знакомый, наш проводник по времени.

Где же выход? За евродверью? Стоит ли вообще ее открывать? А может быть, он уже найден? Может быть, он за этой приоткрытой дверью, стоит только... Решать нам с Вами!

«... Есть надежда дожидаться новой земляники и новых яблок, лысин у сыновей, сединок у дочерей, а от внуков – открыток с приветом. Есть надежда дожидаться авансов, получить проценты с процентов. Неужто людям снова открыт бессрочный кредит» (Г. Гросс).

Источники

¹См.: Боханов А.П. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991; Орлов В.В. П.Е. Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары, 1997.

²Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 23.

³История России. М., 1997. С. 469.

⁴Там же, С.470.